

УДК 811.11-112

ББК 81.2Нем

DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2731>

ФУНКЦИИ МОДАЛЬНЫХ МАРКЕРОВ В НЕМЕЦКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

А. В. Аверина

Московский государственный областной университет

FUNCTIONS OF MODAL COMPONENTS IN GERMAN FICTION

A. V. Averina

Moscow Region State University

Аннотация: в качестве объекта исследования настоящей статьи выступают модальные маркеры в немецком языке, предмет исследования – функции модальных маркеров в немецком художественном тексте. Цель работы – раскрыть функциональное назначение модальных маркеров в художественном тексте и описать их влияние на общую тональность текста. В качестве материалов исследования послужили фрагменты, отобранные из немецкоязычных художественных текстов. В качестве методов исследования были использованы описательный метод и метод текстового анализа. Было показано, что в художественном тексте модальные маркеры группируются с оценочными элементами, создавая модально-оценочную рамку высказывания, создающую эмоционально-оценочный фон текста и позволяющую переводить читателя из реального мира в мир иллюзий и представлений. Маркеры ирреальной модальности в тексте могут быть использованы для более точного отображения каких-то деталей, например, для описания действующих лиц, их внутренних переживаний или же просто для передачи психологической атмосферы. Если весь текст представляет собой скрытое сравнение (текстовая метафора), то предложения в форме *Indikativ* маркируют нереальную, или контрфактическую модальность. Напротив, предложения в форме *Konjunktiv* позволяют максимально приблизить происходящее в воображении автора с реальной действительностью. В целом было установлено, что маркеры эпистемической модальности, эвиденциальности и контрфактичности, использованные в художественном произведении, участвуют в создании образа автора и персонажей. В комбинации с оценочными элементами они позволяют описать внутренний мир автора как создателя произведения, отражают его ценностные установки и показывают его отношение к своим героям.

Ключевые слова: эпистемическая модальность, эвиденциальность, контрфактическая модальность, образ автора, текстовая метафора, художественный текст.

Abstract: the object of the current article is modal components in German, its subject is their functions in German fiction. The aim of the article is to describe functions of modal structures in the fiction texts and their influence on the common mood of the text. Text fragments from German fiction are used as the source of data for the study. The main methods used in the research are descriptive method and textual analysis. It was shown that modal structures group with evaluative words building a modal-evaluative frame of the utterance which creates emotional-evaluative background of the whole text and brings the reader from the real world into the world of illusion. The components of unreal modality can be used in the text to provide an effective description of some details, e.g. to describe the characters of the novel, their deep emotions or psychological atmosphere. If the whole text is an implicit comparison (textual metaphor), the indicative sentences encode unreal modality. On the contrary, the sentences in the Subjunctive mood allow bringing closer imaginary events to the reality. It is shown that the epistemic and evidential structures as well as sentences in the Subjunctive mood create the image of the author

---

© Аверина А. В., 2020

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

and the characters. In combination with evaluation elements they contribute to the description of the inner world of the author as a creator of an artistic work, they reflect the writer's values and show their attitude to the characters.

Key words: epistemic modality, evidentiality, unreal modality, author's figure, textual metaphor, fiction text.

Способы выражения модальных значений в немецком языке уже были детально рассмотрены в работах многих отечественных и зарубежных исследователей. В этой связи можно отметить работы А. В. Авериной [1], Р. Д. Шакировой [2], В. Абрахама [3], Г. Дивальд [4], Э. Лайсс [5], Т. Фритца [6; 7] и других ученых. Довольно сложная задача – описать модальность текста. О. И. Москальская в этой связи справедливо замечает, что перед грамматикой текста стоит задача «посмотреть на модальность высказывания с позиций целого текста, осмыслить более общие закономерности, которые не даны на уровне предложения» [8, с. 117].

Тексты по своему стилю, жанру и целевому назначению неоднородны. Соответственно, каждый тип текста обладает своими лексическими, грамматическими и композиционными особенностями. Модальность текста получит полное описание тогда, когда будет рассмотрена актуализация нескольких видов модальных значений в различных типах текстов с учетом целевого предназначения текста, в результате чего станет понятной интенция автора и функции модальных конструкций, ведь совершенно по-разному можно интерпретировать сомнение героя художественного произведения в прямой речи и сомнение автора газетного комментария – в первом случае речь может идти о психологическом состоянии персонажа, возможно, таким образом находит выражение его духовный поиск, а во втором не исключена авторская оценка фактичности ситуации с целью убеждения читателя в истинности той или иной позиции и даже воздействия. По-разному могут быть интерпретированы и модальные слова с семантикой эпистемической модальности/эвиденциальности. Немалую роль в восприятии текста играет еще эксплицитность/имплицитность выражения модальности. Модальность может быть выражена посредством сочетания модальных предикатов с местоимениями (указание на модусный субъект), через использование модальных слов и модальных частиц, а может и вовсе не иметь никакого выражения и получает интерпретацию только с учетом контекстуального окружения.

Модальные значения неоднородны, и для расшифровки модальности целостного текста каждое из них выступает как ключ к разгадке его общей тональности. Настоящая статья еще не претендует на комплексное описание модальности художественного текста – цель ее состоит в том, чтобы рассмотреть возможности выражения модальных значений на уровне текста и раскрыть их функциональное назначение.

В качестве *материалов исследования* послужили фрагменты, отобранные из немецкоязычных художественных текстов. Это отрывки, взятые из произведения П. Зюскинда «Das Parfum», М. Фриша «Homo faber», Г. Бёлля «Ansichten eines Clowns», С. Цвейга «Vierundzwanzig Stunden aus dem Leben einer Frau», Э. Кэстнера «Das Eisenbahngleichnis», Б. Брехта «Wenn die Hai-fische Menschen wären». Отдельные примеры были взяты из произведений Э. М. Ремарка. В качестве *методов исследования* были использованы описательный метод и метод текстового анализа.

Виды субъективных модальных значений в немецком языке

Мы предлагаем говорить о «внутренней модальности», когда имеется в виду объективно существующая возможность, и «внешней модальности», когда речь идет об оценке говорящим вероятности происходящего, сравним:

(1) *Er kann schwimmen.*

(2) *Ich vermute, dass er schwimmen kann.*

В первом случае речь идет об объективно существующей возможности – говорящий показывает, что пропозициональный субъект (*er*) способен на то, чтобы плыть. Этот факт существует сам по себе и не зависит от знаний/сомнений говорящего, т. е. это то, что Ш. Балли в свое время обозначил термином «диктум» [9]. В отечественной лингвистике существует понятие, введенное Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелевым [10, с. 211] – *модализованная пропозиция*, когда модальность, присоединяясь к пропозиции, может участвовать в речевых актах различных типов: сообщениях, вопросах, пожеланиях и т. п. Совсем иного плана эпистемическая модальность, или модальность предположения (пример (2)) – здесь выражается субъективное отношение говорящего к факту – он не уверен, что обстоятельство имеет место и высказывает свое мнение относительно его фактичности. Главное предложение в (2) – это модусная часть (модус (термин Ш. Балли [9]) – отношение говорящего к содержанию высказывания, придаточное предложение – это диктумная часть.

Можно говорить о существовании целого спектра модальных значений. Применительно к внутренней модальности (модализованной пропозиции) мы выделяем следующие.

1. *Волюнтаривная модальность*, когда говорящий или пропозициональный субъект выражает свое желание, например:

(3) *Die Dame will auch einen Korn [11].*

2. *Алетическая модальность* «связана с субъективными потенциями реального мира» [10, с. 216], речь идет о потенциальной возможности, характерной для того или иного субъекта, например:

(4) *Ich kann wirklich nicht fahren* [11].

3. *Деонтическая модальность* отражает определенные требования к поведению, может содержать некую систему правил или норм, например:

(5) *Lilly brach auf. Sie musste ihren Bräutigam abholen* [11].

4. *Нефактическая модальность* [12, S. 174] предполагает указание на нефактичность (нереальность) ситуации, ее неосуществленность или невозможность получить определенную реализацию, сравним:

(6) *Sie wäre mit einem Schrei in Ohnmacht gefallen* [11].

5. *Контрфактическая модальность* [12, S. 174] отражает ситуацию, в которой тот или иной факт не может иметь места, например:

(7) *Sie starrte auf meinen Schnaps, als wäre er ein verfaulten Fisch* [11].

К «внешней» модальности относятся эпистемическая и эвиденциальная, т. е. оценка говорящим/пропозициональным субъектом степени вероятности высказывания (эпистемической модальности), либо об указании на источник информации (эвиденциальности). Речь идет о той информации, которая дополнительно сообщается к описываемому положению дел. Эти два вида значений, которые мы относим к модальным, имеют различные формы своего выражения: они могут пересекаться, а могут выступать независимо друг от друга. Рассмотрим в этой связи ряд примеров:

(8) *Ich fragte ihn, ob er einen Pneumothorax gemacht hätte. Er sagte, das ginge nicht mehr* [13].

(9) *Wahrscheinlich ist sie in ein, zwei Stunden wieder da* [13].

В высказывании (8) сочетание местоимения *er* и глагола говорения позволяет указать на источник информации – речь идет об эвиденциальных значениях, эпистемическая семантика не прослеживается. В следующем предложении (9) модальное слово *wahrscheinlich* использовано для передачи предположения со стороны говорящего.

Вопрос о том, относится ли категория эвиденциальности к системе модальности, до сих пор не имеет однозначного ответа. Сама по себе категория эвиденциальности включает в себя значения, сопряженные с модальными, так как говорящий может высказывать суждения, опираясь на собственные наблюдения. Мы полагаем, что довольно проблематично говорить о принадлежности/непринадлежности категории эвиденциальности к системе модальных значений применительно ко всем языкам в целом. По наблюдениям В. А. Плунгяна, есть языковые системы,

в которых эвиденциальные показатели не имеют модальной нагрузки (тибетские и калифорнийские типы, см.: [14, с. 325]), а есть системы, в которых эвиденциальность входит в сферу модальных значений. Немецкий язык не обладает эвиденциальными показателями, аналогичными тибетским и калифорнийским типам языков. Существующие указания на источник сообщаемой информации в большей или меньшей степени сопряжены с эпистемическими значениями.

Таким образом, модальность трактуется нами как категория, которая отражает «преломление отрезка действительности через сознание говорящего» [15, с. 113], модальность может быть внутренней, когда говорящий / действующее лицо оценивает объективную возможность существования ситуации, и внешней, связывающей пропозицию с говорящим и отражая его отношение к происходящему. К внутренней можно отнести «онтологическую возможность» (термин Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева [10, с. 210]), или потенциальность, речь идет о модализованной пропозиции; к системе внутренней модальности можно отнести такие виды модальных значений, как деонтическая, алетическая и волеятативная модальность. К внешней модальности в немецком языке представляется целесообразным отнести эвиденциальные и эпистемические значения, поскольку зачастую они выступают во взаимодействии друг с другом. В настоящей статье будут рассмотрены функции маркеров алетической, эпистемической, эвиденциальной и контрфактической модальности в художественном тексте.

Модальные маркеры в художественном тексте

Функциональное назначение конструкций с семантикой эпистемической модальности в текстах художественного стиля варьируется в зависимости от композиционно-речевой формы и типа повествователя. Ранее нами уже было показано, что в композиционно-речевой форме «рассуждение» эти структуры служат для передачи внутренних колебаний и поиска героев. В повествовании выражается оценка возможности, правильности действий персонажей; вероятности наступления события / возможности существования того или иного факта. В композиционно-речевой форме «описание» конструкции с семантикой эпистемической модальности позволяют передать душевное состояние и переживания героев в определенный момент времени [1]. Немалую роль играет при этом характер оценки, т. е. эксплицитность/имплицитность ее выражения, а также форма речи – монолог или диалог. Так, в прямой речи часто прослеживается поиск причин событий или мотивы действий персонажей. Это можно проследить на примере новеллы С. Цвейга «Страх»: герои пытаются

ся понять причину страха тех, кого преследуют – то ли это страх наказания, то ли это попросту страх быть раскрытым:

(10) „[...] *Diese kleine Angst vor dem Wort finde ich kläglicher als jedes Verbrechen*“.

„*Meinst du ... dass es immer ... immer nur Angst ist ... die die Menschen hindert? Könnte es nicht... Könnte es nicht Scham sein... die Scham, sich auszusprechen... sich auszukleiden vor all den Menschen?*“ [...]

„*Scham, sagst du ... das ... das ist ja auch nur eine Angst ... aber eine bessere ... eine, nicht vor der Strafe, sondern ... ja, ich verstehe...*“

Er war aufgestanden, merkwürdig erregt, und ging auf und ab. Der Gedanke schien in ihm irgend etwas getroffen zu haben, das jetzt aufzuckte und sich stürmisch erregte. Plötzlich blieb er stehen.

„*Ich gebe zu... Scham vor den Menschen, vor den Fremden... vor dem Pöbel, der aus der Zeitung fremdes Schicksal frisst wie ein Butterbrot... Aber deshalb könnte man doch sich wenigstens jenen bekennen, denen man nahesteht...*“

„*Vielleicht*“ – *sie musste sich abwenden, weil er sie so ansah und sie ihre Stimme zittern spürte* – „*vielleicht... ist die Scham am größten ... denen gegenüber, denen man sich ... am nächsten fühlt*“ [...].

„*Du meinst also... du meinst...*“ – *und mit einem Male wurde seine Stimme anders, ganz weich und dunkel... „du meinst... dass Helene ... jemand anderem ihre Schuld leichter gestanden hätte ... der Gouvernante vielleicht ... dass sie ...*“

„*Ich bin überzeugt davon* [16].

В приведенном отрывке использованы конструкции с семантикой предположения в речи Ирены, в высказываниях ее мужа, а также в авторских комментариях. Герои пытаются понять причину поведения маленькой дочки и осторожно приводят возможные аргументы – это своего рода поиск истины и попытка выяснить для самих себя, что может заставить человека говорить не правду, а ложь. Использование конструкции с глаголом *scheinen* в высказывании автора позволяет передать его оценку внутреннего состояния персонажа. Это создает особый эффект – из контекста можно проследить психологическое напряжение участников разговора, внутреннее ожидание мужа Ирены и боязнь Ирены сказать правду о самой себе, страх говорить открыто о своих поступках. Как видно из данного отрывка, автор использует сочетание глаголов мнения с личными местоимениями, т. е. это эксплицитные модальные маркеры, позволяющие описать ситуацию, в которой герои обмениваются мнениями, а читатель наблюдает за их психологическим состоянием.

Имплицитная модальность может иметь место в художественном тексте для создания некоторой интриги или передачи психологического напряжения

одного из героев. Можно также заметить, что скептицизм, т. е. высокая степень сомнения, может усиливаться за счет включения в текст дополнительных оценочных элементов. Так, например, конструкция *sollen + Infinitiv*, используемая для указания на источник информации, одновременно может кодировать и высокую степень сомнения говорящего. Это можно проследить на примере отрывка из романа П. Зюскинда «Парфюмер»: один из героев романа Балдини, разочарованный своими неудачами на старости лет, подвергает критике всю эпоху, в которой он живет, показывая тем самым, что все, что сейчас в настоящее время происходит, лишено разумного начала, грешно, нелепо и плохо. Это внутренняя речь персонажа, в которой модальный глагол *sollen* позволяет автору нарисовать образ брюзгливого потерпевшего поражение парфюмера, не имеющего никаких шансов на успех в современном мире. Скептицизм, который просматривается в речи персонажа, выраженный модальным глаголом *sollen* во вторичном значении, подчеркивается большим количеством оценочной лексики (*geschnüffelt, herumexperimentiert, lächerlich* и т. д.):

(11) *Das Unglück des Menschen rührt daher, dass er nicht still in seinem Zimmer bleiben will, dort, wo er hingehört. Sagt Pascal. Aber Pascal war ein großer Mann gewesen, ein Frangipani des Geistes, ein Handwerker recht eigentlich, und ein solcher ist heute nicht mehr gefragt. Jetzt lesen sie aufwieglerische Bücher von Hugenotten oder Engländern. Oder sie schreiben Traktate oder sogenannte wissenschaftliche Großwerke, in denen sie alles und jedes in Frage stellen. Nichts mehr soll stimmen, alles soll jetzt plötzlich anders sein. In einem Glas Wassers sollen neuerdings ganz kleine Tierchen schwimmen, die man früher nicht gesehen hat; die Syphilis soll eine ganz normale Krankheit sein und keine Strafe Gottes mehr; Gott soll die Welt nicht an sieben Tagen erschaffen haben, sondern in Jahrillionen, wenn er es überhaupt war; die Wilden sind Menschen wie wir; unsere Kinder erziehen wir falsch; und die Erde ist nicht mehr rund wie bisher, sondern oben und unten platt wie eine Melone – als ob es darauf ankäme! In jedem Bereich wird gefragt und gebohrt und geforscht und geschnüffelt und herumexperimentiert. Es genügt nicht mehr, dass man sagt, was ist und wie es ist – es muss jetzt alles noch bewiesen werden, am besten mit Zeugen und Zahlen und irgendwelchen lächerlichen Versuchen* [17].

Конструкция *sollen + Infinitiv*, используемая во вторичном значении в приведенном фрагменте, маркирует три дейктичных плана: (1) указание Ориго-Наблюдателя на источник информации; (2) сомнение Ориго-Наблюдателя в истинности информации и (3) сомнение повествователя в фактичности отображенных в представлении персонажа явлений реальной действительности. Последний, третий план возника-

ет за счет включения дополнительных оценочных слов во внутреннюю речь героя.

Использование дополнительных экспрессивных маркеров в сочетании с указанием на источник информации создает модально-оценочную рамку высказывания (подробнее см. [18]). Термин «эмоционально-оценочная рамка» был предложен в работе В. Г. Гака [19]. Эмоционально-оценочная рамка – это некий психологический кадр высказывания, который может находить свое выражение разными средствами и в разных местах высказывания или текста [19, с. 290]. Как правило, эмоционально-оценочные элементы группируются чаще в начале высказывания (или сверхфразового единства) или в конце его, они могут охватывать речь с обеих сторон. Тем самым происходит усиление иллокутивной силы высказывания. Как отмечает В. Г. Гак, эмотивная сила высказывания увеличивается за счет интенсивности и аргументации. Мы оперируем термином «модально-оценочная рамка», поскольку эмоции как выражение некоего отношения можно расценивать в какой-то мере и как определенный способ выражения модальности. Модальные маркеры выступают зачастую в комбинации друг с другом, в сочетании с другими оценочными показателями (слова с аксиологической семантикой, повторы, персонификации), что, в совокупности, усиливает эмоциональность высказывания. Это можно проследить и на примере отрывков из новеллы С. Цвейга «Двадцать четыре часа из жизни женщины»:

(12) *Und ich hoffe, Sie glauben mir, wenn ich Ihnen sage, dass ich vielleicht eine Stunde lang, eine unendliche Stunde, während tausend und tausend kleine Wellenschläge des unsichtbaren Meeres die Zeit zerrissen, auf dieser Terrasse ungeschlüssig umherwanderte; so sehr erschütterte und hielt mich dies Bild der vollkommenen Zernichtung eines Menschen* [20].

(13) *ich hätte die halbe Nacht noch so wartend gestanden oder vielleicht hätte mich schließlich klügere Selbstsucht bewogen, nach Hause zu gehen, ja ich glaube sogar, dass ich bereits entschlossen war, dieses Bündel Elend in seiner Ohnmacht liegenzulassen – aber da entschied ein Übermächtiges gegen meine Unentschlossenheit* [20].

В приведенных отрывках главная героиня новеллы повествует о событиях прошлых лет, когда она пыталась помочь избавиться от своей страсти к азартным играм молодому человеку. Модальное слово *vielleicht* в сочетании с предикатами эмоциональной установки *glauben* и *hoffen*, конструкция в форме *Konjunktiv II* и использование оценочных маркеров погружают читателя в мир ее переживаний.

В некоторых случаях маркеры эпистемической оценки могут маркировать в художественном тексте онтологическую возможность, т. е. они передают не

оценку фактичности ситуации, а позволяют представить ситуацию как модализованную пропозицию, т. е. как один из существующих в объективной реальности возможных путей развития событий. В свою очередь, это позволяет понять внутренний мир персонажа. Рассмотрим это на примере отрывка из романа М. Фриша «Homo faber»:

(14) *Ich glaube nicht an Fügung und Schicksal, als Techniker bin ich gewohnt mit den Formeln der Wahrscheinlichkeit zu rechnen. Wieso Fügung? Ich gebe zu: Ohne die Notlandung in Tamaulipas (26. III.) wäre alles anders gekommen; ich hätte diesen jungen Hencke nicht kennen gelernt, ich hätte vielleicht nie wieder von Hanna gehört, ich wüsste heute noch nicht, dass ich Vater bin. Es ist nicht auszudenken, wie anders alles gekommen wäre ohne diese Notlandung in Tamaulipas. Vielleicht würde Sabeth noch leben. Ich bestreite nicht: Es war mehr als ein Zufall, dass alles so gekommen ist, es war eine ganze Kette von Zufällen. Aber wieso Fügung? Ich brauche, um das Unwahrscheinliche als Erfahrungstat-sache gelten zu lassen, keinerlei Mystik; Mathematik genügt mir.*

Mathematisch gesprochen:

Das Wahrscheinliche [...] und das Unwahrscheinliche (dass bei 6 Würfeln mit demselben Würfel einmal 6 Einsen vorkommen) unterscheiden sich nicht dem Wesen nach, sondern nur der Häufigkeit nach, wobei das Häufigere von vornherein als glaubwürdiger erscheint. Es ist aber, wenn einmal das Unwahrscheinliche eintritt, nichts Höheres dabei, keinerlei Wunder oder Derartiges, wie es der Laie so gerne haben möchte. Indem wir vom Wahrscheinlichen sprechen, ist ja das Unwahrscheinliche immer schon inbegriffen und zwar als Grenzfall des Möglichen, und wenn es einmal eintritt, das Unwahrscheinliche, so besteht für unsereinen keinerlei Grund zur Verwunderung, zur Erschütterung, zur Mystifikation [21].

В представленном фрагменте, содержащем размышления главного героя о причинах случившейся трагедии, модальные маркеры позволяют автору создать образ технократа, лишённого каких-либо предубеждений и эмоций, не верящего в судьбу и пытающегося объяснить происшедшее с научной точки зрения. Изображение событий как редкого совпадения обстоятельств и их оценка с позиции теории вероятности позволяет очертить образ главного героя: он повествует обо всем отстраненно, исключает свою личностную вовлеченность, смотрит на все взглядом стороннего наблюдателя. Если проанализировать набор языковых элементов с семантикой модальности, то можно обратить внимание на преимущественное использование существительных в сложноподчиненных с придаточными условными и причинными. Это позволяет, во-первых, приблизить сам стиль изложения к научному, а во-вторых, отсутствие

грамматических модальных маркеров служит дополнителем штрихом к портрету главного героя.

Большим выразительным потенциалом обладают показатели нереальной модальности, маркирующие события, не существующие в объективной действительности. Рассмотрим в этой связи небольшой отрывок из зарисовок Бертольда Брехта «*Wenn die Haifische Menschen wären*»:

(15) *Wenn die Haifische Menschen wären, würden sie im Meer für die kleinen Fische gewaltige Kästen bauen lassen, mit allerhand Nahrung drin, sowohl 5 Pflanzen als auch Tierzeug. Sie würden sorgen, dass die Kästen immer frisches Wasser hätten, und sie würden überhaupt allerhand sanitäre Maßnahmen treffen. Wenn zum Beispiel ein Fischlein sich die Flosse verletzen würde, dann würde ihm sogleich ein Verband gemacht, damit es den Haifischen nicht wegstürbe vor der Zeit. Damit die Fischlein nicht trübsinnig würden, gäbe es ab und zu große Wasserfeste; denn lustige Fischlein schmecken besser als trübsinnige. Es gäbe natürlich auch Schulen in den großen Kästen. In diesen Schulen würden die Fischlein lernen, wie man in den Rachen der Haifische schwimmt. Sie würden zum Beispiel Geographie brauchen, damit sie die großen Haifische, die faul irgendwo liegen, finden könnten. Die Hauptsache wäre natürlich die moralische Ausbildung der Fischlein. Sie würden unterrichtet werden, dass es das Größte und Schönste sei, wenn ein Fischlein sich freudig aufopfert, und dass sie alle an die Haifische glauben müssten, vor allem, wenn sie sagten, sie würden für eine schöne Zukunft sorgen* [22].

В приведенном фрагменте использование формы *Konjunktiv* позволяет говорящему представить тоталитарное общество как некую фиктивную модель, существующую в его фантазии, а не в реальной действительности. Примечательно, однако, что при всей нефактичности образной картины автор прибегает к подробному описанию деталей и аргументации действий вымышленных героев. Понятно, что ситуация данного рода не существует в действительности – выразительный эффект достигается за счет текстовой метафоры. В тексте находит реализацию скрытое сравнение, а реалистичность описания и отсутствие оценочных слов максимально приближает происходящее в объективной действительности с вымышленной моделью. Если интерпретировать текст с учетом исторических событий и политической ситуации в Германии, то можно найти и скрытую эпистемичность – через текстовую метафору автор указывает на фактичность, т. е. истинность существования данной ситуации.

В художественных текстах авторы зачастую прибегают к контрфактичности, или ирреальной модальности для более точного отображения каких-то деталей, при описании действующих лиц, их внутренних

переживаний или же просто для передачи психологической атмосферы. Такого рода «вкрапления» встречаются и тогда, когда сам по себе текст выдержан в форме *Indikativ* и отображает реальные события:

(16) *Ich hörte, wie er den Hörer auf den Tisch legte, durchs Zimmer ging, und wieder hörte ich im Hintergrund dieses böse Zischen. Es hörte sich an, als wäre eine ganze Schlangenfamilie miteinander in Streit geraten: zwei männliche Schlangen und eine weibliche* [23].

В приведенном фрагменте, взятом из романа Г. Белля «*Ansichten eines Clowns*», главный герой передает свое отношение к одному из действующих лиц и его семейству. Использование формы *Konjunktiv* в сравнительной конструкции позволяет максимально точно приблизить реальную ситуацию к воображаемой.

Можно говорить и об альтернативных способах выражения контрфактичности и эпистемичности в художественном тексте. Так, зачастую предложения в форме *Indikativ* могут передавать нереальную модальность, т. е. указывать на события, не имеющие места в действительности. Рассмотрим фрагмент из стихотворной притчи Э. Кестнера «*Das Eisenbahngleichnis*» [24]¹. В ней он сравнивает жизнь людей с путешествием на поезде. В предложениях использована форма *Indikativ*; несмотря на то, что здесь нет сослагательного наклонения, сравнительных оборотов, описанные события не имеют места в объективной действительности. Это текстовая метафора, в которой Э. Кестнер сравнивает жизнь людей с путешествием, цели которого никто не знает:

(17)

Wir sitzen alle im gleichen Zug
und reisen quer durch die Zeit.
Wir sehen hinaus. Wir sahen genug.
Wir fahren alle im gleichen Zug
und keiner weiß, wie weit.
Ein Nachbar schläft; ein anderer klagt;
ein dritter redet viel.
Stationen werden angesagt.
Der Zug, der durch die Jahre jagt,
kommt niemals an sein Ziel.
Wir packen aus, wir packen ein.
Wir finden keinen Sinn.
Wo werden wir wohl morgen sein?
Der Schaffner schaut zur Tür herein
und lächelt vor sich hin [...].

В приведенном фрагменте предложения, маркирующие реальную модальность, использованы для выражения контрфактической, нереальной модальности. Этот переход возможен благодаря тому, что

¹ Аналогичные мотивы прослеживаются в рассказе Ф. Дюрренматта «*Der Tunnel*» [25].

целый текст представляет собой скрытое сравнение (предложениям соответствует глубинная структура *als wäre..., als ob...*).

Еще один альтернативный скрытый способ выражения сомнения – использование глаголов мнения с местоимениями 3-го лица: указание на кого-либо как на источник информации служит маркировкой недоверия, т. е. указывает на нефактичность ситуации. Рассмотрим в этой связи фрагмент из романа Г. Бёлля «*Die Ansichten eines Clowns*»:

(18) *Ich habe mich mit Marie darüber unterhalten, ob ein Tier wohl Feierabend haben könnte, eine Kuh, die wiederkäut, ein Esel, der dösend am Zaun steht. Sie meinte, Tiere, die arbeiten und also Feierabend hätten, wären eine Blasphemie. Schlaf wäre so etwas wie Feierabend, eine großartige Gemeinsamkeit zwischen Mensch und Tier, aber das Feierabendliche am Feierabend wäre ja, dass man ihn ganz bewusst erlebt* [23].

В приведенном отрывке представлены различные взгляды на отдых героев романа: позиция Марии и главного героя, от лица которого ведется повествование. Сочетание личного местоимения *sie* с глаголом мнения *meinen*, а также использование формы *Konjunktiv II* позволяют выразить эпистемическую оценку – сомнение повествователя в истинности убеждений Марии.

Как видно из проведенного анализа, средства, выражающие совершенно различные модальные значения, на уровне текста могут функционировать как функциональные синонимы: форма *Indikativ* не всегда служит для отображения реальности, а эвиденциальные показатели в комбинации с местоимением 3-го лица позволяют расценивать позицию другой стороны как неистинную. Это становится возможным потому, что за текстом всегда стоит автор. Модальность текста – это своего рода авторская модальность. Она совмещает в себе аксиологическую оценку, различные виды субъективных модальных значений, модус реальности/ирреальности. Если на уровне предложения оценочность не входит в сферу модальных значений, то на уровне текста в сочетании с эвиденциальными показателями она может кодировать эпистемичность, т. е. оценку фактичности. В тексте воображаемый мир может быть описан посредством использования формы *Indikativ*, а реальные события – через использование формы *Konjunktiv*: автор соотносит существующую в его воображении модель с событиями реальной действительности, в результате чего ирреальная модальность способна маркировать реально происходящие события, а напротив, реальный модус позволяет отразить фиктивный мир.

Анализ фактического материала позволил сделать следующие выводы.

В художественном тексте модальные маркеры группируются с оценочными элементами, создавая

эмоционально-оценочный фон текста и переводя читателя из реального мира в мир иллюзий и представлений. Модальные маркеры могут быть использованы для более точного отображения каких-то деталей, например, для описания действующих лиц, их внутренних переживаний или для передачи психологической атмосферы.

На уровне текста модальные значения могут быть выражены немаркированными средствами: контрфактическая модальность может быть передана конструкциями в форме *Indikativ*; напротив, реальность может быть описана посредством использования формы *Konjunktiv*, а показатели эпистемической модальности могут быть использованы для передачи алетических значений.

В целом можно заключить, что маркеры алетической и эпистемической модальности, эвиденциальности и контрфактичности, использованные в художественном произведении, участвуют в создании образа автора и персонажей. В комбинации с оценочными элементами они позволяют описать внутренний мир автора как создателя произведения, отражают его ценностные установки и показывают его отношение к своим героям, способствуя выражению текстовой или авторской модальности. Именно на текстовом уровне возникает ситуация, когда показатели какого-либо одного модального значения способны маркировать другие модальные значения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверина А. В.* Эпистемическая модальность как языковой феномен. М. : УРСС, 2010. 192 с.
2. *Шакирова Р. Д.* Инференциальная эвиденциальность и ее разновидности в современном немецком языке // Вестник Вят. гос. гуманитар. ун-та. Филология и искусствоведение. 2010. № 2 (2). С. 89–93.
3. *Abraham W.* Über Unhintergebarkeit in der modernen Modalitätsforschung // Modalität und Evidentialität. Trier : Focus, 2011. S. 125–147.
4. *Diewald G.* Modus und Modalverben – Kategorisierungsoptionen im grammatischen Kernbereich der Modalität // Funktionen der Modalität. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2013. S. 77–110.
5. *Leiss E.* Lexikalische versus grammatische Epistemizität und Evidentialität : Plädoyer für eine klare Trennung von Lexikon und Grammatik // Modalität und Evidentialität [Fokus 37]. Trier : Wissenschaftlicher Verlag, 2011. S. 149–169.
6. *Fritz Th. A.* Grundlagen der Modalität // Aspekte der Verbalgrammatik (Germanistische Linguistik 154). Wiesbaden 2000a. S. 85–104.
7. *Fritz Th. A.* Wahr-Sagen : Futur, Modalität und Sprecherbezug im Deutschen (= Beiträge zur germanistischen Sprachwissenschaft 16). Hamburg : Buske, 2000b. 231 S.
8. *Москальская О. И.* Грамматика текста (пособие по грамматике немецкого языка для институтов и фа-

культетов иностранных языков). М. : Высшая школа, 1981. 183 с.

9. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. 2-е изд., стер. М. : URSS, 2001. 416 с.

10. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М. : Языки русской культуры, 1997. 545 с.

11. *Remarque E. M.* Drei Kameraden. Köln : Kiepenheuer & Witsch, 2007. 345 S.

12. *Diewald G.* Die Modalverben im Deutschen. Grammatikalisierung und Polifunktionalität. Tübingen : Niemeyer Verlag, 1999. 464 S.

13. *Remarque E. M.* Die Nacht von Lissabon. Köln : Kiepenheuer & Witsch, 1998. 330 S.

14. *Плунгян В. А.* Общая морфология. Введение в проблематику. М. : УРСС, 2000. 384 с.

15. *Гак В. Г.* Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис : учеб. пособие для институтов и факультетов иностранных языков. 2-е изд., испр. и доп. М. : Высшая школа, 1986. 220 с.

16. *Zweig S.* Angst. Novelle. Stuttgart : Philipp Reclam jun. GmbH&Co., 2001. 63 S.

17. *Süskind P.* Das Parfüm. Die Geschichte eines Mörders. Zürich : Diogenes Verlag, 1994. 319 S.

18. *Averina A.* Modalpartikeln als Komponenten eines modal-bewertenden Rahmens // *Lebende Sprachen* 64 (1). Berlin : De Gruyter, 2019. S. 1–15.

19. *Гак В. Г.* Языковые преобразования : виды языковых преобразований. Факторы и сферы реализации языковых преобразований. Изд. 2-е, испр. М. : Либроком, 2010. 768 с.

20. *Zweig S.* Vierundzwanzig Stunden aus dem Leben einer Frau. Wien : Herbert Rechner Verlag, 2014. 119 S.

21. *Frisch M.* Homo faber. Frankfurt-am-Main : Suhrkamp Taschenbuch Verlag, 2003. 203 S.

22. *Brecht B.* Wenn die Haifische Menschen wären // *Geschichten*. Bibliothek Suhrkamp, Band 81. Frankfurt am Main, 1962. S. 185–187.

23. *Böll H.* Ansichten eines Clowns. München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 1998. 237 S.

24. *Kästner E.* Das Eisenbahngleichnis. URL: <https://www.deutschelyrik.de/das-eisenbahngleichnis.html>

25. *Dürrenmatt F.* Der Tunnel. Erzählung. URL: <https://www.deutschunddeutsch.de/contentLD/GD/GT64tTunnel.pdf>

REFERENCES

1. *Averina A. V.* *Epistemicheskaya modalnost' kak yazykovoj fenomen* [Epistemic modality as a linguistic phenomenon]. М.: URSS, 2010. 192 p.

2. *Shakirova R. D.* Inferencial'naya evidencial'nost' i jejo raznovidnosti v sovremennom nemeckom yazyke [Inferential evidentiality and its types in the modern German] // *Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Filologija i isskustvovedenije*. 2010. № 2 (2). Pp. 89–93.

3. *Abraham W.* Über Unhintergebarkeiten in der modernen Modalitätsforschung [About indestructability in the

modern researches of modality] // *Modalität und Evidentialität*. Focus: Trier 2011. Pp. 125–147.

4. *Diewald G.* Modus und Modalverben – Kategorisierungsoptionen im grammatischen Kernbereich der Modalität [Modus and modal verbs – categorization options in the kernal area of modality] // *Funktionen der Modalität*. Berlin, Boston: De Gruyter, 2013. Pp. 77–110.

5. *Leiss E.* Lexikalische versus grammatische Epistemicität und Evidentialität: Plädoyer für eine klare Trennung von Lexikon und Grammatik [Lexical versus grammatical epistemicity and evidentiality: protective speech for clear distinction between lexis and grammar] // *Modalität und Evidentialität [Fokus 37]*. Trier: Wissenschaftlicher Verlag, 2011. Pp. 149–169.

6. *Fritz Th. A.* Grundlagen der Modalität [Fundament of modality] // *Aspekte der Verbalgrammatik (Germanistische Linguistik 154)*. Wiesbaden 2000a. Pp. 85–104.

7. *Fritz Th. A.* *Wahr-Sagen: Futur, Modalität und Sprecherbezug im Deutschen (= Beiträge zur germanistischen Sprachwissenschaft 16)* [Saying the truth: Future, modality and speaker relation in German]. Hamburg: Buske, 2000b. 231 p.

8. *Moskal'skaya O. I.* *Grammatika teksta (posobie po grammatike nemeckogo jazyka dlya institutov i fakultetov inostrannykh jazykov)* [Text grammar]. Moscow: Vysshaya shkola, 1981. 183 p.

9. *Bally Sh.* *Obshchaya lingvistik i voprosy francuzskogo jazyka* [Die allgemeine Sprachwissenschaft und Fragen des Französischen]. 2nd edition, ster. Moscow: URSS, 2001. 416 p.

10. *Bulygina T. V., Shmelyv A. D.* *Jazykovaja konceptualizacija mir (na materiale russkoj grammatiki)* [Language conceptualization of the world]. Moscow: Jazyki russkoj kultury, 1997. 545 p.

11. *Remarque E. M.* *Drei Kameraden* [Three comrades]. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 2007. 345 p.

12. *Diewald G.* *Die Modalverben im Deutschen. Grammatikalisierung und Polifunktionalität* [Modal verbs in German. Grammaticalization and polyfunctionality]. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1999. 464 p.

13. *Remarque E. M.* *Die Nacht von Lissabon* [The night in Lissabon]. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1998. 330 p.

14. *Plungyan V. A.* *Obschschaja morfologija. Vvedenie v problematiku* [The general morphology. Introduction]. Moscow: URSS, 2000. 384 p.

15. *Gak V. G.* *Teoreticheskaja grammatika francuzskogo jazyka. Syntaksis* [The theoretical grammar of French. Szntax]. Moscow: Vyshaja shkola, 1986. 220 p.

16. *Zweig S.* *Angst. Novelle* [Fear. Novel]. Stuttgart: Philipp Reclam jun. GmbH&Co., 2001. 63 p.

17. *Süskind P.* *Das Parfüm. Die Geschichte eines Mörders* [Perfumer. The story of a murderer]. Zürich: Diogenes Verlag, 1994. 319 p.

18. *Averina A.* Modalpartikeln als Komponenten eines modal-bewertenden Rahmens [Modal particles as components of modal-evaluative frame] // *Lebende Sprachen* 64 (1). Berlin: De Gruyter, 2019. Pp. 1–15.

19. Gak V. G. *Jazykovye preobrazovanija: Vidy jazykovych znachenij. Faktory i sfery realizacii jazykovych preobrazovanij* [Language transformations: Types of language meanings. Factors and spheres of realization of language transformations]. Izd. 2-e, ispr. M.: Librokom, 2010. 768 p.

20. Zweig S. *Vierundzwanzig Stunden aus dem Leben einer Frau* [Twenty four hours from the live of one woman]. Wien: Herbert Rechner Verlag, 2014. 119 p.

21. Frisch M. *Homo faber* [Homo faber]. Frankfurt-am-Main: Suhrkamp Taschenbuch Verlag, 2003. 203 S.

22. Brecht B. Wenn die Haiifische Menschen wären [If the sharks were people] // *Geschichten. Bibliothek Suhrkamp*, Band 81. Frankfurt am Main, 1962. S. 185–187.

23. Böll H. *Ansichten eines Clowns* [Through the eyes of clown]. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1998. 237 S.

24. Kästner E. *Das Eisenbahngleichnis* [A parabel about a locomotive]. Available at: <https://www.deutschelyrik.de/das-eisenbahngleichnis.html>

25. Dürrenmatt F. *Der Tunnel* [The tunnel]. Available at: <https://www.deutschunddeutlich.de/contentLD/GD/GT64fTunnel.pdf>

Московский государственный областной университет

Аверина А. В., доктор филологических наук, профессор кафедры германской филологии

E-mail: Anna.averina@list.ru

Moscow State Region University

Averina A. V., Doctor of Philology, Professor of the Germanic Philology Department

E-mail: Anna.averina@list.ru

Поступила в редакцию 23 сентября 2019 г.

Принята к публикации 27 декабря 2019 г.

Received: 23 September 2019

Accepted: 27 December 2019

Для цитирования:

Аверина А. В. Функции модальных маркеров в немецком художественном тексте // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 61–69. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2731>

For citation:

Averina A. V. Functions of modal components in german fiction. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2020. No. 1. Pp. 61–69. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2731>